

Собиянэк К.
Лодзь, Польша

SobijaneK K.
Lodz, Poland

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО РОССИИ
В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ
«ДЕНЬ ОПРИЧНИКА» В.Г. СОРОКИНА**

**A PROGNOSIS FOR RUSSIAN FUTURE
IN AN ANTIUTOPIAN NOVEL BY VLADYMYR
SOROKIN „DAY OF THE OPRICHNIK”**

УДК 659.125.5

ГЧТИ 16.21.27

ББК Ш 5(2Рос=Рус)6-4

Kod BAK 10.01.01

Аннотация. Статья посвящается картине будущего России, представленной в романе В.Г. Сорокина «День опричника». В ходе анализа автор пытается выявить проблему тоталитаризма, которая волнует писателя и активно рассматривается на страницах романа. Особое внимание уделяется теме опричнины, восстановленной в 2027 году, а также писательской манере, стилю Сорокина как представителю русского постмодернизма. Отчасти комментируется взаимосвязь религии и политики, приводятся соотношения с сегодняшней действительностью.

Abstract. The paper presents a picture of a Russian future, introduced in Vladimir Sorokin's novel "Day of the Oprichnik". In the course of analysis the author attempts to reveal a problem of totalitarianism, which is thought to be one of the most important features of anti-utopia and which disturbs writer, what is noticeable in the novel. There is emphasized a theme of oprichnina, recovered in 2027, and writer's manner of Sorokin as a representative of Russian postmodernism. The paper outlines as well a correlation between religion and politics and pays attention to a interconnection between the novel's world and a current reality.

Ключевые слова: тоталитаризм; явление опричнины; деконструкция; антиутопия; религия и политика; постмодернизм.

Key words: totalitarianism; phenomenon of oprichnina; deconstruction; anti-utopia; religion and politics; postmodernism

Сведения об авторе: Катажина Собиянэк, магистр, аспирантка Института русистики.

About the author: Katarzyna SobijaneK, Master, Postgraduate Student of Institute of Russian Philology.

Место работы: Лодзинский университет

Place of employment: University of Lodz.

Контактная информация: ul. Kusocinskiego 86b/50 94-043 Lodz (Лодзь)

E-mail: jekaterina.83@mail.ru

Владимир Георгиевич Сорокин, выдающийся представитель русского постмодернизма, концептуалист, яркий прозаик и драматург, к которому трудно относиться равнодушно – круг читателей и критиков подразделяется на два лагеря: горячих сторонников и заклятых противников творчества писателя – в романе «День опричника» представляет перспективную модель действительности (Россия в 2027 году) (Согласно А. Зыверт «День опричника» представляет собой альтернативную историю, обогащенную мотивами из так называемого «банка идей фантастики», в том числе из киберпанка, в результате использования писателем приема контаминации. См. об этом: [Zywert 2008]), которая является практической реализацией тезисов, находившихся в эссе петербургского и ладожского митрополита Иоанна Снычева [1994]. В эссе приводится образ царя Ивана Грозного как святого, идеального правителя на земле, Божьего помазанника, который образует группу верных единомышленников, берегущих порядок и выполняющих якобы волю Божию, т.е. опричников. Причем митрополит явно одобряет такой «стиль» правления, положительно оценивает явление опричнины, как силу, способную навести должный порядок в государстве, и историческое время, когда религия и Православная Церковь занимали важное место в жизни правительства и простого русского человека. Аналогии в романе Сорокина являются бесспорными и представляют собой интересный материал для подробного исследования. Здесь мы едва сиг-

нализируем об этой параллели, свидетельствующей о проявлении неординарного интереса упомянутых современников к эпохе Ивана Грозного и к его «черному ордену» (выражение, использованное Сорокиным). В. Сорокин в интервью С. Широковой [2006] замечает: «Опричнина – это явление, которое, обратите внимание, не отражено совершенно у русских классиков. За исключением Алексея Константиновича Толстого в «Князе Серебряном» и Лермонтова в «Песне о купце Калашникове» никто не коснулся этой темы».

В ходе анализа мы сосредоточимся на изображенной в романе модели мира, в частности на привилегированной сословной группе опричников, и постараемся рассмотреть, созданный в романе образ тоталитаризма, в контексте свойств русского постмодернизма.

«День опричника» по-разному классифицируется исследователями, учитывая жанровые особенности и затронутую проблематику. В публицистике и в критической литературе, которая довольно скупа и в которой отсутствует подробный художественно-идейный анализ произведения, встречаются определения: политическая сатира, антиутопия, фантастическая история, альтернативная история, повесть в духе историзма. В принципе автор их оправдывает, за исключением *антиутопии*, про которую в интервью молчит, добавляя, однако, свой комментарий: «мне кажется, что это все-таки художественное, а не сатирическое произведение. Я не ставил себе никаких политических целей, но если кто-то прочтет повесть как политическую са-

тиру, я не против. Но я хотел сделать нечто большее, чем политическая сатира. Цель сатиры – настоящее, а моя повесть – это скорее попытка такой художественной футурологии, осуществляемая при помощи художественных средств» [Соколов, Грани 2006].

Несмотря на вышесказанное, «День опричника» прикасается к политике и некоторым общественным «пронародным» настроениям, даже если автор намеревался создать текст сугубо художественный. Уже само обращение к опричнине отсылает читателя к историческому прошлому и царю, который символизирует жестокую и беспощадную политику. Естественно, наша цель заключается не в политизации и социологизации сорокинского текста, а в анализе художественного футурологического мира с учетом антиутопических элементов. Тем самым мы подчеркиваем наши разногласия с мнением Льва Данилкина, который утверждает, что «трудно квалифицировать «День опричника» как антиутопию, поскольку те представления о социальных процессах, которые Сорокин проецирует в будущее, не назовешь пессимистическими» [Данилкин, Афиша 2006]. Дело в том, что автор пользуется легким, привлекательным стилем, изобилующим словесной игрой, гэггами, гротеском и абсурдом (к примеру сцена, в которой сидящая на унитазах и выпивающая шампанское государыня принимает в комнате Комягу (Эта сцена нам ассоциируется со сценой торжественной трапезы на унитазах в салоне из фильма Л. Бунюэля «Призрак свободы» (1974)), а также быстрым темпом повествования с заметными ретардациями и неожиданным финалом повести. К присутствию эротических и перверсивных сцен, а также наркотических видений мы вернемся позднее.

Итак, может показаться, что действительно этот текст вызывает больше смеха, чем тревоги и пессимизма. По нашему мнению, лишь на первый взгляд текст Сорокина можно рассматривать как юмористический. На самом деле, представленный в повести мир, отвратительный и ужасный, что попытаемся доказать. Ужаснее всего факт, что повествователь – опричник Комяга – по-настоящему восхищается описываемым миропорядком и верит в святую и существенную миссию своего братства, без которого Новой России не быть, так как «покуда жива опричнина, жива и Россия» [Сорокин 2008: 223].

В своем произведении Сорокин представляет модель будущего России, 2027 год, который является неким повтором правления Ивана Грозного и его преданных охранников, однако с учетом постмодернистской эпохи. Перед глазами читателя монархическая Новая Россия при царе Василии Николаевиче, отец которого, Николай Платонович, основатель новой династии, навел в государстве порядок, прекратив Серую Смуту (отметим, что Серой Сму-

те предшествовала Красная и Белая Смуты). При жизни первого царя нового российского государства наступило отделение от атеистического мира киберпанков крупной Западной стеной, своего рода новым вариантом «железного занавеса». Тогда на Манежной площади сгорали враждебные рукописи и книги, что восхищает Комягу. Этот фрагмент наглядно демонстрирует антигуманный характер менталитета героя, поскольку массовое сожжение книг – это проявление тоталитаризма. Т. Толстая в романе «Кысь» также выражает свое беспокойство о высокой культуре и затрагивает тему безграмотности и невежества, и выдвигает трагические последствия этих явлений в дистопическом образе романа. К тому же такой жест отсылает нас к нацистам, которые в 1933 году в Берлине и других немецких городах провели варварскую акцию по сожжению национал-социалистами книг, негодных гитлеровскому режиму. Публичное сжигание книг было направлено на запугивание "среднего человека", привыкшего относиться с уважением к печатному слову, а также на привлечение молодежи на сторону национал-социалистов. У Сорокина фактор страха имел не меньше значение, поскольку, согласно словам Комяги, «народ у нас книгу уважает» [Сорокин 2008: 103]. На Красной же площади граждане добровольно сжигали свои загранпаспорта и огонь продолжал гореть почти два месяца. Причем вопрос «добровольности» остается открытым.

Реформы царя вводили «парности» продуктов питания, чтобы облегчить народу выбор и способствовать его духовному спокойствию. «И чтобы в каждом ларьке – по две вещи, для выбора народного. Мудро это и глубоко. Ибо народ наш, богоносец, выбирать из двух должен, а не из трех и не из тридцати трех. Выбирая из двух, народ покой душевный обретает, уверенностью в завтрашнем дне напивается, лишней суеты беспокойной избегает, а следовательно – удовлетворяется. А с таким народом, удовлетворенным, великие дела сотворить можно» [Сорокин 2006: 103]. Такое решение было также вызвано заботой об отечественном рынке и желанием искоренить иностранные супермаркеты, и заменить их исконно русскими ларьками, где можно купить молоко снятое и жирное, копченую и вареную колбасу, компот из вишен и компот из груш, а также единственный непарный продукт «Российский» сыр. Однако «чужой» рынок видимо не учитывал восточного влияния, так как китайские продукты активно участвовали в жизни русских граждан. Из беседы опричников с Государем узнаем, что они едят на китайских машинах, едят китайский хлеб и на китайских унитазах оправляются, притом из китайских ружей Государь разрешает стрелять уток [Сорокин 2008: 184]. Отметим, что сотрудничество с Поднебесной (сегодняшним Китаем) оказывается плодотворным (в Сибири население китайцев достигает 38-и миллионов – (вероятно, это отклик Сорокина на проблему

экспансии китайцев в Сибирь и формирование новой китайской диаспоры [см.: Дятлов 1999, Горюхина 2005])) несмотря на проблемы, связанные, например, с уплатой налогов китайцами, живущими в Сибири, Поднебесной, с денежными конфликтами между китайскими экспортерами, русскими пограничниками и опричниками. Китайское влияние ощутимо и в языковой сфере. Владение китайским языком является базисным и по крайней мере в некоторых профессиях, к примеру, для опричников, обязательным знанием. К тому же древнекитайским охотно пользуется сама Государыня, а государевы дети играют в новейшие китайские игры 4D, пользуясь оригинальным языком игрушек. Здесь опять наблюдается сдвиг, крушение внутритекстовых правил и стереотипов путем гротеска, в этом случае заботы о чистоте русского языка.

Следовательно, взошедший на престол царь вызвал к жизни опричнину [подр.: Дугин 2005, Ruud, Stiepanow 1999] – группу верных охранников, готовых пожертвовать собою ради Государя и святой России, с одной стороны, проливающих кровь его врагов и неудобных оппонентов, занимающихся «мокрым» делом, «задавливающих» столбового (что в практике означало спалить усадьбу, совместно изнасиловать жену опального и повесить хозяина на воротах), с другой – ежедневно молящихся Богу и часто призывающих имя Господне. За свою лояльную службу были щедро награждены. Кроме чисто материальных выгод, избранники царя пользовались расположением Охраняемого, престижем и доступом к элитным, официально запрещенным государством наркотикам китайского производства – так называемым золотым стрелядкам, вызывающим острые ощущения и позволяющим отправиться в путь кибернетических галлюцинации. Во время одного из таких путешествий Комяга с Батей (начальник опричнины) и правым крылом «черного ордена» превращаются в дракона с семью головами, наподобие дракона из Апокалипсиса, и сеют разрушение и проливают кровь жителей ненавистной Америки, что доставляет им дику, демоническую радость. Особой наградой и высшей степенью братской связи был еженедельный визит в бани Бати с целью устроить мужскую оргию – «гусеницу опричнины», которая – согласно рассказчику – укрепляла тождество, силу и единство опричников. Кульминационным моментом совокупления был коллективный оргазм. После отдыха с шампанским, как правило, происходил еще один ритуал мазохистского характера: попытка выносливости – сверление дрелью с очень тонкими сверлами из живородящего алмаза ноги сидящего рядом товарища. Эти сцены показывают полное духовное падение, мерзость и ненормальность этой привилегированной группы. Сам автор считает, что «это

сугубо патологическое явление [опричнина] легло в России на очень плодородную почву. Опричнине и ее идеям откликнулась русская метафизика. Я полагаю, что все наши смуты, революции, потрясения и моря пролитой крови – все это последствия опричнины» [Широкова, *Известия* 2006].

Достоинством внимания является также религиозный аспект, так как религия, а даже в большей степени религиозность, есть принцип, упорядочивающий композицию и влияющий на стилистический пласт текста. В произведении видно абсурдное размежевание между внешней службой Божьему делу, ритуальностью жизни опричников и практической деятельностью государева человека, наводящего порядок особо жестокими методами и беспрекословно выполняющего приказы начальства. Заведующий опричниной, Батя, становится лучшим отцом, который заботится о своих сыновьях, вовремя и справедливо их наказывает, обеспечивает бытовую сторону жизни и, что не менее важно, соблюдает соответствующую дисциплину, создает возможность развлекаться и проявляет заботу о сохранении братской связи, *единства* «черных монахов», понимаемого в буквальном смысле – здесь имеется в виду реализованная метафора. В акте полного соединения тел опричников образуется, упомянута раньше *гусеница*, члены которой находятся в определенном порядке. «Молодые опричники, – объясняет Владимир Георгиевич, в гусенице группового секса стоят в конце и как бы наступают на пятки «старикам». Это закон любого карательного учреждения. В Советском Союзе было примерно так же» [Соколов, *Грани* 2006]. Итак, эта перверсивная сцена на грани порнографии, шокирующая и вызывающая намеренное чувство отвращения у читателей, выражает критическую авторскую оценку явления опричнины, которое отчасти наблюдается и в современной России.

Отметим, что любовь, восторг и ненависть, которые испытывают опричники, по крайней мере Комяга, по отношению к Государыне, а также любовь, страх и восхищение Императором являются типичными чувствами, использованными авторитарной системой, которая на страхе и любви строит фундаменты ничем неограниченной власти. Об этом говорил Сталин в «Детях Арбата» А. Рыбакова, повторяя за Чингисханом тайну «железной власти». Речь, принадлежащую Сталину, мы обнаруживаем в тексте, по всей вероятности, еще в двух фрагментах – оба в высказывании Бати: «Государю из Кремля народ виднее, обозримей. Это мы тут ползаем, как воши, суетимся, верных путей не ведая. А Государь все видит, все слышит. И знает – кому и что надобно» [Сорокин 2008: 103]. Несомненно, приведенную цитату можем первоначально отнести к Господу Богу [Ср. Псалом 138, Старый Завет (Библия)]. Как известно, культ личности «отца народов» многое заимствовал из религии,

которую благополучно вытеснял из человеческого сознания и души. «Подбрасывает он [Батя] то, что осталось от графа могущественного, на руке: – Ну вот, был и нету» [там же: 210]. Эту ситуацию хотелось бы соотнести с поговоркой, приписываемой Сталину: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы».

Следует подчеркнуть, что сильно зарисованная сфера эротики и эпатаж сексуальностью человека, присутствие мазохистских и перверсивных сцен являются типичными элементами писательской манеры Сорокина. Ими насыщен и текст данного произведения. Часто они вводятся с целью вызвать изумление у читателя, сбить его с толку, поиграть с читательской привычкой восприятия литературного текста и традиционным пониманием литературы. Писатель не боится затрагивать темы телесного аспекта человеческой жизни, ее сексуальностью и физиологическими процессами, происходившими в теле человека. Согласно Сорокину «порнография – это вполне конкретный литературный жанр. Его цель – вызвать половое возбуждение у читателей. У меня же другая цель – вызвать эстетическое возбуждение, а не половое» [Соколов 2005: 135]. Кстати, вопрос эстетики, воспринимаемой по-своему, является существенным в творчестве писателя. Автор «Голубого сала» смешивает возвышенное с низким, фантастическое с реальным, сакральное с бытовым.

Кроме заметного гротеска и иронии, автор пытается спровоцировать читателя, вернее читателя имплицитного, наслаждаться, подобно героям произведений, отвратительными образами и увидеть своего рода логику красоты «некрасивых» явлений в свете сознания и разума, избитых схем. Марк Липовецкий замечает, что в ранней прозе Сорокина «обсценная лексика была знаком шокового выхода за пределы литературности, взрывного нарушения конвенций, которое составляло основу сорокинских текстов как особого рода преформансов» [Липовецкий 2008: 409]. Итак, на страницах литературных текстов писателя герои с помазанием потребляют фекалии, сиамские сестры совершают сексуальный акт с заключенным в концлагере, опричники соединяются в бассейне Бати.

Человеческие инстинкты, о которых можно было бы промолчать, легко обнаруживаются в произведениях Владимира Георгиевича. Все, что относится к человеку, особенно современному, интересно писателю, без каких-либо исключений. Он присматривается к долгосрочным последствиям тоталитаризма, используя деконструкцию любого тоталитарного дискурса, и в текстах передает свои наблюдения, касающиеся искаженности мышления, падения нравственности, отстраненности человека, механизмов подсознания, и одновременно извлекает совершенно другой образ тоталитарного

мира, который «красив нечеловеческой красотой» [Соколов 2005: 35]. Автор показывает абсурд советской и постсоветской действительности, запутанность человека, погруженного в тоталитарный дискурс, черпает вдохновение в современной русской действительности и воплощает свои идеи в превосходные литературные произведения. На этот раз мы едва намечаем проблему, которая требует отдельного углубленного анализа с учетом исторических и социально-бытовых контекстов.

Возможно, Сорокин показывает, что религия может быть использована для реализации целей, не всегда честных и приличных, и предостерегает перед религиозной ритуальностью, бессознательным повтором схем и вытекающей из этого внутренней пустотой. В «Дне опричника» абсурд проявляется и в том, что опричники глубоко верят в правоту и *святую миссию* своего поведения. Ритуальность обеспечивает им безопасность и прозрачность *братской* жизни. К тому же интересным решением было введение образа ясновидящей Прасковьи Мамонтовны, живущей в недоступной усадьбе в глуши. Первоначально образ Прасковьи представлен как возвышенный («Плавно движется она, словно на коньках по льду скользит. Подходит совсем близко, замирает. Гляжу в лицо ее. Необыкновенное это лицо. Другого такого нет во всей России. Ни женское оно и ни мужское, ни старое, ни доброе» [Сорокин 2008: 133]. Однако далее этот образ подвергается снижению в описании ее заклинаний, напоминающих фольклорные формулы, детские магические игры и гадания сказочной колдуньи – «Молоко коровье поет в изголовье: на сердце сяду, накоплю яду, разведу водой, накрою собой, помолюсь теленку, моему ребенку, от теленка кости придут в гости, косточки белые, на шлопутство смелые, погремят, помрут, силу заберут» [там же: 139]. Здесь пафос смешан со смехом – явление, которое часто встречается на страницах романа.

Согласно канонам постмодернизма в «Дне опричника» представлена деконструкция действительности и развенчивание стереотипов. Отсюда и присутствие языковых трансформаций, например архаических выражений (к примеру, «токмо», «опальный», «здравы будьте», «супротивник», «крамола») рядом с неологизмами (к примеру, «мобило», «осаленный», «звезду погасить» – обесславить выступающего на сцене известного артиста в ходе акции, специально подготовленной службами Государева; «голый» – человек, потерявший доверие Государя и, как результат, свое привилегированное положение и материальные средства; обреченный на неудачу) и варваризмами («сяоцзе» – девушка, «гунян» – девица, «гоцзе» – государственная граница, «шагуа» – дурак, «таньха» – покровительство), объясняемыми причудливым сочетанием прошлого (исторического времени при Иване Грозном) и будущего (2047 год; после реформ царя Николая Платоновича). Сорокин

задумывается над возможным вариантом будущего России, присматривается к тенденциям современности и создает литературный текст полусерьезный, полусмешной, привлекающий разнообразием стиля и историческими намеками, причем затрагивающий мрачное эхо прошлого, которое воплощается в модель будущего не менее мрачным и вызывающим тревогу образом.

Подводя итоги, приведем слова автора «Сахарного Кремля», которые относятся к анализируемому произведению и представляют собой удачное обобщение основной идеи «Дня опричника», а также выражают антиутопическую мысль, присутствующую на страницах многих романов-предостережений: «коллективистский подход не породил нового человека, потому что человеческая природа сильнее коллектива, о нее разбились все тоталитарные системы, и человек, хоть и достаточно изуродованный, остался по-прежнему homo sapiens. [...] Попытки изменить природу человека неизбежно ведут к катастрофе, ибо могут вызвать к жизни такие силы, с которыми общество уже не справится» [Соколов 2005: 35].

ЛИТЕРАТУРА

Библия. Старый Завет. Псалом 138. URL: http://www.bible-center.ru/bibletext?cont=synnew_ru&txt=ps+138

Горюхина Э. Китайцы в Сибири. Сбывается мечта российского чиновника: приходит народ «попугайный и работающий» // Новая газета. 24.11.2005. URL: <http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/88n/n88n-s27.shtml>.

Данилкин Л. Владимир Сорокин: «День опричника» // Афиша. 09.09.2006 URL: <http://www.srkn.ru/criticism/ldanilkin.shtml>

Дугин А. Метафизика Опричнины // Тезисы выступления Александра Дугина в рамках «Нового Университета». 2005. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1252>

Дятлов В. Китайцы в Сибири: отношение общества и политика властей // Русский архипелаг (сетевой проект Русского мира). 1999. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2633>

Zywert A. „Dzień Opricznika” Władymira Sorokina – postmodernistyczna zabawa czy komentarz polityczny? // Świat Słowian w języku i kulturze. IX Literaturoznawstwo. [Pod red. E. Komorowskiej, Ż. Kozickiej-Borysowskiej, A. Krzanowskiej] – Szczecin, 2008.

Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2008.

Снычев И. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. – СПб, 1994.

Соколов Б.В. Владимир Сорокин: Опричнина – очень русское явление. // Грани. 21.08.2006. URL: <http://www.srkn.ru/interview/bsokolov.shtml>

Соколов Б.В. Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО, 2005.

Сорокин В.Г. День опричника. – М.: Захаров, 2008.

Толстая Т. Кысь. – М.: Эксмо, 2005.

Широкова С. Писатель Владимир Сорокин: Мой «День опричника» – это купание авторского красного коня» // Известия (Москва). 25.08.2006. URL: <http://www.izvestia.ru/reading/article3096020/>

© Собиянэк К., 2009